

САРДАНА ОРДАХОВА

МОСКОВСКИЕ КАРТИНКИ

ДЕВЯТЬ РАССКАЗОВ
ТЕЛЕФОННОГО ФОРМАТА

Издательские решения

Сардана Ордахова

Московские картинки (сборник)

«Издательские решения»

2014

Ордахова С.

Московские картинки (сборник) / С. Ордахова — «Издательские решения», 2014

Скромные бытовые картинки, приобретающие размах притчи. «Московские картинки» – цикл рассказов, герои которых странным образом связаны. Очень настоящий и совершенно новый взгляд на современную Москву. Такой Москву вы еще не видели. Что это? Сюрреализм с чертами постмодернизма, приправленный толикой абсурда? Чушь! Вы хоть знаете, что эти термины означают?;-) В этих небольших («телефонного» формата, очень емких, многослойных и кратких) девяти рассказах отражена жизнь, как она есть. Без чернухи, сиропа и прочих дешевых приемчиков. И надеемся, будет хотя бы иногда смешно. И возможно, вы задумаетесь. Во всяком случае, это может быть интересно читателям, изголодавшимся по настоящей литературе.

© Ордахова С., 2014

© Издательские решения, 2014

Содержание

1. Женщина, которая ела книги	5
2. Профессор Ы	7
3. Девочка Самокатчикова	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Сардана Ордахова

Московские картинки

Девять рассказов телефонного формата

1. Женщина, которая ела книги

Ей было что-то около сорока. Может, чуть больше. Чаще всего она носила брюки неопределенного цвета и такие же непонятные свитера, потому что постоянно мерзла. В летнюю жару ее можно было увидеть в длинных пестрых юбках из кусков разных тканей, с вшитой резинкой вместо пояса. Вы видели такие юбки в подземных переходах и утверждаете, что ни за что бы такие не надели – они портят фигуру.

Фигуры у женщины не было. Но у нее был взрослый сын, невестка с аппетитными формами и престарелая мать, ленящаяся надевать вставные зубы перед тем, как есть.

А ела вся семья – книги.

Книги все чаще попадались дрянь. Сын постоянно запирался в туалете после дегустации каких-то новомодных японских изысков. Он был смел, быстр, в меру хипстерил, в меру либералил, иногда говорил о ценностях, но европейскую кухню (авторов) не любил. В последнее время его все чаще тянуло на жирное, толстое, нескончаемое индийское чтиво или малопомянутые японские огрызки, приправленные чем-то острым, после жадного поедания которых все равно не покидало ощущение голода. Это была искусственная еда, он это знал, но ничего с собой поделать не мог. Его эксперименты обычно заканчивались расстройством желудка. «Лучше бы он заказывал просто суши на дом», – ворчала бабушка, складывая надвое бесплатную газету с объявлениями – свой ежедневный жидкий чай. Ела бабушка мало.

Зеленый сын/внук выползал из туалета и набрасывался на легкие детективы, которые он в изобилии употреблял вместо воды. Напившись, он робко тянул руку к легкому бутерброду из американцев. И некому было дать ему по рукам, так как в семье никто не догадывался, что после столь сильного отравления человеку требуется манная каша из хороших детских сказок, чтобы привести себя в нормальное состояние. Жена, смакуя нещадно разбавленное водой красное вино в виде современных французских романов, гладила непутевого мужа по кудрявой голове. К счастью, она знала языки и голодной не ходила. Муж худел и детей сделать своей супруге не мог по причине плохого питания.

Женщина ела все подряд и чувствовала себя неплохо. В метро, на работе (ей повезло, она работала корректором – это все равно, что любителя пиццы поставить резчиком пиццы), дома, на тренингах по личностному росту – она ела везде, не прибавляя и не убавляя в весе. В выходные она часами могла бродить по просторным залам Ленинской библиотеки, листая роскошные фолианты или редкие изысканные брошюры. Это был ее любимый ресторан.

...Опьянев от восторга, однажды она протянула руку к толстому тому истории на верхней полке, как вдруг у нее закружилась голова и она упала замертво. Скорая приехала довольно быстро.

– Так, книги, значит, – кашлянул пожилой врач, осмотрев пациентку. – Вы не можете больше их употреблять. Они все слишком старые. Вам рекомендовано только свежее. Не далее 5—6 лет со дня издания. Иначе... – врач выразительно постучал стетоскопом по краю стола.

Женщина выпила немного воды в виде лежавшей тут же газеты «Мой район» и, охая, отправилась домой, не забыв заехать в БиблиоГлобус, ибо умирала с голоду – не успела наестся до того, как упала в обморок.

Там как раз шла встреча с каким-то автором. Заинтригованная женщина спустилась на цокольный этаж, где в уголке огромного торгового зала сиротливо толкался десяток наркоманов. Автором являлась накрашенная энергичная женщина в возрасте. От автора крепко пахло подмышками и еще чем-то резким – возможно, обедом. Женщина невольно отпрянула.

– Прошу вас – несколько заискивая, любезно улыбнулась автор.

Преодолевая тошноту, женщина тихо уселась на заднем ряду и перелистала несколько стоящих тут же книг. Ничего внутрь не шло, не годилось. Стоило только раскрыть любую – со страниц легким дымком поднималась дикая вонь. И вся полка была заставлена этой вонючей, пердучей и смердючей жижей, упакованной в симпатичные коробки, которую пытались выдать за обед – простите, литературу.

– Вы мне предлагаете умереть с голоду? Вы в своем уме?? – не выдержав, закричала женщина и, с грохотом раскидав тяжелые стулья по мертвецки тихому залу, швырнула нарядным томиком в оказавшуюся поблизости ни в чем не повинную кассиршу. – Что вы мне дали поесть?! Дура! Ведьма!

Автор издали довольно улыбнулась. Женщине вторично вызвали скорую.

И еще у женщины, которая ела книги, был кот, который ел только сметанку и всегда с высокомерным недоумением взирал на всю ее семью.

2. Профессор Ы

Студенты называли его «профессор Ы». Никто не знал, откуда это имя взялось. Никто не знал, что оно означает. Вполне возможно, что оно действительно что-то означало на каких-то языках. В Москве это кого-нибудь волнует?

Строго говоря, он даже не был профессором. А был простым преподавателем одного не самого престижного, но зато условно государственного и потому условно бесплатного вуза. Что немного тешило его самолюбие, ведь читать лекции в государственном учебном заведении лучше, чем в каком-нибудь частном. Почему лучше – этого он сказать не мог. Но гордился.

Жил профессор Ы одиноко. Поэтому каждое утро у него начиналось с поиска очков. Подсказать было некому. Он их мог оставить на колченогой табуреточке возле кровати – тогда легче всего. Иногда он находил их в ванной среди зубных паст и бритв, иногда обнаруживал в прихожей висящими на крючке рядом со шляпой. Случалось, очки находились на полу в туалете. Спросонья едва не наступая на них босыми ногами, профессор вспоминал, что перед сном читал в туалете газету. Пару раз он обнаруживал очки в чашке с недопитым чаем. В кухонной раковине среди горы немытой посуды. В ботинках. В карманах единственных брюк и даже – о ужас – в футляре для очков, подаренном одной из бывших жен. Честно говоря, очки у профессора были бешеные.

Сам профессор был отнюдь не бешеный, а очень даже мирный. В силу мягкого характера он жил где придется и с кем придется. В молодости он, разведясь со своей первой женой, покинул провинциальный город, название которого никому ничего не говорило, приехал в Москву, выучился, что-то делал в аспирантуре, да так и остался. Ведь вокруг столько одиноких женщин, которые ценят ум, честность, порядочность и национальность. Национальность у него была правильная.

У профессора Ы были мутные, некогда голубые глаза, волосы с сильной проседью, из одежды он предпочитал демократичные пуловеры с расстегнутой у горла молнией. Профессор Ы был женат много раз, о чем охотно рассказывал всем желающим. Но с очками у профессора не заладилось. Они были одни-единственные на всю жизнь.

Профессор стал стар, но не бросил свою дурную привычку терять очки, вырвавшую из его жизни столько женщин. Только одна из них храбро справлялась с приткими очками профессора и никогда не грозила их разбить. Вполне возможно, мы до сих пор были бы вместе, со вздохом рассуждал Ы, но ведь я понимаю, что эта привычка доведет до развода какую угодно женщину, даже ангела. «А ангелы мне не попадались», – заключал он, невнятно что-то бормоча напоследок и рыгая в подтверждение своей правоты. В аудитории на разные лады пульсировал и бился навязчивый многодневный перегар, как будто самая бездарная на свете рок-группа всё пыталась и никак не могла найти созвучие. Ы нежно промокал рукавом пуловера набегающие сопли и жестом Папы отпускал народ.

Так он проводил свои занятия, если являлся на них. Профессор называл ту свою жену «девочкой», «милой снобкой» и «своей единственной». Она покинула его вовсе не из-за очков, а ради толстого вдового декана, но ему было легче думать, что из-за очков. Может, он и очки-то придумал специально, чтобы было на что сваливать. Ведь он был тогда молодым и подающим надежды. А декан? – Что декан!

Однажды, возвращаясь с лекций, профессор Ы, не желая слишком поспешно спускаться в пылающее жерло метро, решил отдохнуть в скверике. Голова кружилась, но очки все еще были на месте, а продажа пива в Москве не была запрещена. Вокруг цвели деревья и пели птички. Профессор Ы уселся на скамейку и крепко задумался.

– Извините, – раздался женский голос над его головой. Профессор встрепенулся.

– Я присяду здесь? – кокетливо «не-спросила» женщина и уселась, не дожидаясь ответа.

Профессор прищурился и начал разглядывать соседку. У женщины были чудесные золотые зубы и дивный иностранный акцент. И она держала в руках открытую бутылку пива. Заметив его жаждущий взгляд, сердобольная тетя со словами: «Хочешь? Еще есть», – вытащила из большой хозяйственной сумки бутылку. Это конкретное «Хочешь?» до того испугало Ы, что он залпом осушил предложенную бутылку, молча встал и помчался по дорожке, сбивая с ног самокатчиков и даже приличных людей – одной только силой своего тяжелого дыхания.

В метро ему встретилась женщина, которая ела книги. Усевшись напротив, он продолжительное время буравил ее взглядом, но женщина была так занята поглощением пищи, что не заметила Ы. Это его обрадовало.

Ночью Ы приснился сон, где он вовсе не был никаким профессором, а простым сантехником, и ему было хорошо.

3. Девочка Самокатчикова

Именно так – с большой буквы, хотя это не фамилия. Она каталась по бульвару каждый вечер. Окружающие взирали на нее с завистью.

– Ох, и хороша! – вздыхали бабки, слезящимися глазами провожая ее стремительный полет по пронизанной оранжевыми закатными лучами дорожке. – Была бы я молодая, так я тоже... Могла бы.

Во времена бабушкиной молодости никто на самокатах не катался. Вернее, катались только малые дети. Сейчас, особенно этим летом, много дюжих парней, взрослых девиц, а также женщин в возрасте пересели на самокаты. Удобно.

Девочке было лет около двадцати пяти, работала она копирайтером в фирме, которая продавала постельное белье. Хорошее белье, качественное. На досуге девочка каталась на новообретенном самокате. Дело в том, что некогда самокат у нее уже был. Лет шесть-семь назад, резвой студенткой первого курса, мечтающей покорить весь мир, девочка посетила с подружками Финляндию. Там она сразу запищала от восторга при виде роскошных дорожек для велосипедистов, самокатчиков и прочих роллеров. На все свои карманные деньги девочка, не раздумывая, приобрела самокат. Это был первый нормальный взрослый самокат, произведенный самокатной промышленностью, которая наконец-то задумалась о солидном потребителе. Выдерживал он до 80 килограмм живого веса, как гордо сообщил продавец с серьгой в ухе. «Я бы сам купил! – уверял он, кладя мощную волосатую длань на широкую грудь. – Но я вешу около ста килограмм».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.